

Марина Кулакова

КОГДА БЫ НЕ ЮНОСТЬ

Марина Кулакова родилась в 1962 году в г. Горьком. Окончила историко-филологический факультет Горьковского государственного университета имени Н. И. Лобачевского.

Стихотворения публиковались в журналах «Нева», «Москва», «Литературная учеба», в коллективных сборниках «Весенние голоса» [М., Современник, 1985], «Багульник» [М., Современник, 1985].

84 (2 Рос = Рус) 6
К 90

*Марина
Кулакова*

КОГДА БЫ НЕ ЮНОСТЬ

Стихи

5/14

Горький
Волго-Вятское
книжное
издательство
1986

Центральная районная
Библиотека им. Т. Г. Шевченко
№ ЦБС Приокского района
г. Н. Новгорода

4.3.

МУ ЦБС
Приокского района
г. Н. Новгорода

84P7

K90

Рецензент —
член СП СССР Ю. А. Адрианов

Кулакова М.

K90 Когда бы не юность... Стихи.— Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1986.— 31 с.

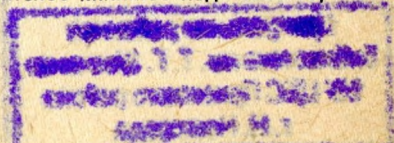
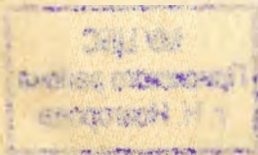
15 коп.

Марина Кулакова — лауреат областного поэтического конкурса им. Б. Корнилова 1981 года. «Когда бы не юность...» — первая книга молодого автора, лирический герой которой привлекает неординарностью своей внутренней жизни, где прихотливо переплетены фантазия и насыщенная повседневность, эмоциональная глубина и бескомпромиссность оценок, стремление к решению вечных вопросов бытия со всей присущей молодости независимостью.

К 4702010200—087 42—86
M140(03)—86

84P7

© Волго-Вятское книжное издательство, 1986

От всех промедлений корыстных —
храни тебя Время-владыко,
храни...

Храни тебя ныне
и присно...

ПОПЛАЧЬ

Я тебя утешать не буду.
Я только тебе пожелаю,
чтобы боль была настоящей.
Время слез,
словно время дождей,
наступает однажды.

Может, просто цветы твоих глаз
преисполнились жажды.

Поплачь.

Мир сквозь слезы прекрасен.
По-особому темен.

По-особому ясен.

Ты запомни его отраженье,
и сиянье его,
и жженье.

ПИСЬМО

Мой милый друг,
как ты живешь на свете?
Кто близ тебя — любимый иль любой?
Какие сны ты видишь на рассвете?
Мы так давно не виделись
с тобой...

и песни петь,
 взлетая в вышину —
хоть не на небо,
 на забор,—
 но все же!
Но разве их когда-нибудь
 поймешь?
Так необычна
 человечья стая:
кто ползает,
 кто ходит,
 кто летает...
Мой милый друг,
 как ты теперь
 живешь?

* * *

Я хочу на обитаемый остров.
Чтоб бродили там знакомые люди.
Чтоб шумели там знакомые травы.
Чтобы пели там знакомые птицы.
Я хочу на обитаемый остров.

Я хочу бродить по берегу моря.
Ощущать на коже веянья века.
Напевать свои любимые песни
И грустить на современные темы.
Я хочу бродить по берегу моря.

Чтобы шли все время новые волны.
Эти новые и новые волны.
И скользила по волнам новым
Тень иного, дорогого бывшего...
Я хочу бродить по берегу моря.

Я хочу не умирать долго.

Брать в ладони теплые камни,
Собирать в пригоршни спелые сливы
И кричать неумолкающим птицам:
«Я хочу не умирать долго!..»

Я хочу расшифровать море,
Умирая от любви, полной
Невозможности, тоски, меда...
Обещать вернуться в солнечный полдень —
И шагнуть, не рассчитав боли.

* * *

Просторно в сером, в сером так
просторно.

Простые дни, и вечера простые —
как лепестки растения простого.
Простые дни, и вечера простые.

В такие дни мелодии простые
распутали клубок сердечной смуты.
Восстановились тонкие минуты,
оборванные жадными руками.

И на земле, простой и неполитой,
во глубине заброшенного дома
расцвел забытый и такой знакомый
чуть слышный голос
будущего лета.

...И я пойму, и неизбежно это,
что все вокруг вмещается в такие
бездонные,
как медленная Лета,
простые дни и вечера простые.

• • •

Я не нужна была
живущему в тиши.
Я ничего тогда еще не знала.
Не знала я, что черен труд души.
Что ей всегда себя
и крови мало.
Откуда было знать,
что жизнь длинна,
да так, что и прожить-то невозможно.
Что плакать — сладко,
открывать — несложно.
Могла ли знать, что я — всегда одна?..
Не знала я, что с теми, кто любим,
лишь расстояние нас соединяет.
А музыка все это понимает
давно-давно, и тихо понимает:
мир познаваем, но необъясним.
Мир познаваем, но необъясним
другим,
покуда сами не познают.

Handwritten notes:
? |
Понимает
лучше
но не объясняет
/ (бывает)

АКВАРЕЛЬ

Она прошла легко и гордо:
в кудряшках огненных виски
и платье цвета очень горькой,
но не отчаянной тоски.

О белокурая мечта!
Ты шьешь одежды по салонам.
Тебе такая не чета —
рыжеволосая в зеленом.

И ты взглянула свысока,
наморщив носик свой точеный:
«Как неизысканно ярка!
И до чего неутонченна...»

Но,— изменяя цвет мечты,—
мужьям и мальчикам влюбленным
приснишься в эту ночь не ты,
а эта рыжая,
в зеленом!

И, скрыв смятенье и восторг,
стоит твой спутник ошалело —
как будто
птица из-под ног
на шумной улице взлетела.

У жизни многие тона
не совместить с хорошим тоном.
Идет по улице она —
рыжеволосая в зеленом.

Идет, смеется!
И в глаза
нам бьет гармонией контрастов.
Визжат в восторге тормоза,
когда она идет
на красный.

И здравый смысл
ей смотрит вслед
с лицом
навечно изумленным:
Она идет на красный свет,
поскольку улица —
в зеленом!

* * *

Сказать о поколении моем?
Судить о нем — не рано ль?..

Ибо что же
сказать о тех, кто ничего не сделал
еще,

и кто за право быть моложе
пока что права голоса

лишен?

Так стоит ли судить сейчас?

Но все же...

Оно практичней — в лучшем смысле слова.
Циничней — в худшем.

Да и то вопрос —
объемом ли утопий, дум и слез
возвышенных

определить основу
того, что поколением зовем?..
Оно непросто, поколение наше.
Мы полной чашей получили жизнь.
И дом.

И смутное желанье —
ударом опрокинуть эту чашу.
Искать свою.
Искать ее во мгле.
Найти ее.

Омыть в добре и зле.

По капле
наполнять ее у встречных...

.....
Послушайтесь инстинктов человеческих:
помимо жизни
и вопросов вечных —

не может быть наследства
на земле!

ОДА ОБРЕЧЕННОЙ СОСНЕ

Как хорошо без всякого огня!
Гарантия, что будешь должитель.
Сосна — на плахе собственного пня.
Огня и света тайная обитель...
Приют огню?! Как смела ты?!

И вот —

расплата... И тихонько рады
все те, кто без огня
и без хлопот.

Счастливые, не правда ли?
Неправда.

Ты глянешь в небо меж своих ветвей,
и — не топор души твоей коснется,
а лишь необходимости твоей
признание
сверкнувшее на солнце!

Но жаль, как жаль — не отшумела сколько...
И это все, уже последний час...
Ресницы хвои дрогнули... из глаз
скатились слезы... и земного сока
допиты два последние глотка...

А из дупла, как из раскрытой дверцы,
взлетела птица — прямо в облака —
как будто непогубленное сердце!

10 МИНУТ ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Кто-то накликал — идет гроза.
Может, из-за меня.

Воздух густеет, и пыль — в глаза,
Темнеет средь бела дня.
Сгущаются краски тревожных тонов,
послушные ворожбе.
И город — табун замеревших домов,
готовых сорваться в бег!
Готовых нестись в грозовую темь —
в дыхании хрип и свист —
лишь только взметнется над дрожью тел
молнии жгучий хлыст!

Десять минут — скрыться в уют
можно. Но для меня —
предгрозовые десять минут —
выбрать себе коня!

Я МОГЛА БЫ ВАС ПОЛЮБИТЬ

Я могла бы Вас полюбить.
К Вам ворваться бесцеремонно,
Вашу жизнь
и речь перебить
пересмехом
и перезвоном.
Я могла бы
(прошу простить!) —
лишь возникнув в дверном проеме —
фотографии женщин в доме
сердцем вспыхнувшим засветить!

Искажая привычный мир,
искривляя собой пространство,
я пройду — а за мной
на миг

свежий ветер непостоянства
и — тревожный,
 пьянящий дух
самозванства
 и самовластья...
Вы замрете,
 я — подойду
с беспощадной
 улыбкой
 счастья.

Вы поймете, что для меня
было все, что доныне было.
Чтобы я это все
 открыла,
поняла бы и оценила,
и, робея, благодарила —
иль — на счастье свое —
 разбила!—
это дело мое.

 А я —
я навстречу бы Вам летела,
я бы делала, что хотела,
а хотела бы — с Вами быть.

Но умела бы это скрыть.

Я позволю Вам
 быть умнее,
вдвое старше позволю быть.
Буду слушать Вас, холодея
и не смея Вас перебить.

Я прощу Вам, что Вы небрежно,
снисходительно, хоть и нежно,
говорили опять со мной.
Назову Вас — как Вы хотите —

От Ваших рук
 горят запястья.
О боже, как же все забыть?..
Смотреть на Вас...
 Все это было.
Все это не было.
 Как быть?..
В глаза взглянуть.
Руки коснуться.
И задрожать,
 и ужаснуться,
и очередность позабыть:
 Я Вас люблю...
 Я Вас... любила...
 Я бы могла Вас
 полюбить...

* * *

И вот уже возник круговорот —
 воронка,
 омут,
и — потоком мутным,
где вечное неслось в сиюминутном,
и главное, раскисшее в неглавном,
и тайное, замученное в явном,
и пошлостью забрызганная тайна,
совсем не утонувшая случайно —
в пустующую емкость
 хлынул мир.
Там было все — и пенилась
 стремнина:
слова, цветы, обрывки парусины,
обломки, тина, соль и чешуя,

прикосновенья, и нравоученья,
и нудный вздор,
и чудные мгновенья,
и чудный вздор
в порыве вдохновенья,
в безжалостном потоке бытия!
* * * * *
Из грязной пены выходила я.

ЯЗЫЧЕСКАЯ СКАЗКА

Я когда-то русалкой была.
В темной речке жила,
под обрывом,—
и качалась на ветках ивы,
и венки из кувшинок плела.
Лунным светом там соловьи
по ночам полоскали горло —
замолкая, когда навьи
опускались на берег гордо.
Окруженные мертвым страхом,
темнотой, тоской и бедой,
напивались они во мраке
леденевшей в тот миг водой.
И ходили на этот берег
в час, когда остывал закат,
в одиночку люди
и звери.
Кто добычу искал,
кто — клад,
кто — прохлады, а кто — в печали
просто шел, чтоб всмотреться в дали.
Часто девушки там гадали:
отчего пастух молодой
над вечерней грустит водой?

...Подплывала я в лунных бликах,
расплетая косы свои,—
в миг, когда до стонов и всхлипов
доходили все соловьи.
Я играла текучим телом,
я свивалась в кольцо тоски —
я, смеясь, на него глядела,
и душа его холодела,
и бежать от меня хотела,
но глаза мои — так близки!
Пахли руки мои кувшинками,
косы — таволгой и рекой...
Сам не помня, какими тропинками,
он потом уходил домой.
Все стихало.

Я отдыхала
на пологой песчаной круче,
и служили мне опухалом
крылья сов и мышей летучих.
Знала я: он придет опять.
Мне бы этого да не знать!
Все мужчины

во все века
ускользающее ловили
и — с ума сходили — любили
то, что не удержать в руках...
Неизведанное, чужое,
то, что там,

за своей межою,
недоступное, непонятное,
смоляное, полынно-мятное,
с колдовским огоньком ночей!
Для бедняги в бреду речей
будет день — нестерпимо длинным.
Свет тихонько сойдется

в лунный блик
на моем плече.
От привычных утех под стогом
он пойдет в глубину лесов.
Но не только любовный зов
пролагает ему дорогу.
Он из тех,
в ком бродило смутно —
что
среди пыли и лебеды
быть должна
хоть одна минута
диза, праздника
и беды.
Что-то, что-то должно случиться —
приоткрыться, переместиться,
незнакомо обжечь ладонь!
А иначе — зачем же сердце?
А иначе — зачем же птицы?
И тревожных ночей зарницы?
И, в особенности, огонь?..
Нужно,
нужно
хоть раз пройтись
по такому излому жизни,
чтобы сок животворный
брызнул
и зарянка взлетела ввысь!
Корни дуба тоска пространства
может вывернуть.
Не с того ль
вечно — ереси,
самозванство,
песни, буйство и колдовство?..
Я любила таких людей.
Часто чих ко мне заносило.

Чистой силе

с нечистой силой

выпадает один удел...

Ах, да впрочем — мое ли дело

видеть что-либо,

кроме тела?

Говорили не раз уже

мне:

«Не лезь не в свое болото!

Вертихвостка, девчонка, что ты
можешь знать о людской душе?»

Ну да ладно, я не о том.

Мой пастух приходил под вечер,
слушал песни мои и речи,
позабыв обо всем.

Потом —

он искал мои губы жадно

и не видел в тени ветвей,

как в ответ трепетали жабры
под девичьей грудью моей.

Лунный свет и речная влага
наполняли слова его,

и — не знаю я, отчего —

мне хотелось порой заплакать.

Кто бы этот порыв постиг!

В непонятной и светлой муке,

тоже все забыв на миг,

я ему целовала руки...

Но — навьи за рекой кричали,

возвещая прощанья час,

и на дне я его печально

целовала в последний раз.

У любви глаза велики,

да к тому же мечта их застит.

Влюблены, пока далеки.

Ближе — жабры да плавники.

Не атласно на ощупь счастье...
Стихнет страсти ночной напев,
пламя чистое станет гарью.
И однажды он,

разглядев,
назовет меня
мерзкой тварью...

Нет!—

уж лучше усни навек,
мой любимый,
в меня влюбленный —
восхищенный и удивленный,
бедный, слабый мой
человек.

Лучшей смерти тебе едва ль
отыскать среди жизни этой —
в песнях-стонах давно воспетой
той, что еле сама одета,—
от леченья храня и света,
все лелеет свою печаль.

Лучшей смерти ты не найдешь,
не найдя себе жизни лучшей.
Слабый разум сгустился тучей,—
но далек еще

гром гремучий,
свет летучий
и чистый дождь!..

Потому и вода в кувшине
по ночам на моем столе.
Потому и в дожди большие
не люблю я сидеть в тепле.
Оттого и хожу гулять я
вечерами к реке одна.
Оттого и в своих объятьях
ты не можешь согреть меня...

* * *

Куда пойдешь ты посреди судьбы?..
Уйдешь из дома — не уйти из дома.
Пойдешь домой — и не дойдешь до дома.
Тысячелетье подступает к горлу,
но губы закрывает поцелуй.

Ты в сад придешь.
Тебя отвергнет сад.
Ты и во сне чужда дремотным травам.
Ты потеряла связь с народом яблок.
И никогда трава тобой не станет.
И никогда не станешь ты травой.

Твой гений нем и в бешенстве своем
Не знает нот и красок не находит.
И желтым цветом жалости и ложа
Тебе давно очерчен твой предел..
Тысячелетье подступает к горлу!..
И губы закрывает поцелуй.

Пойдешь опять — к столу и абажуру.
Проколет свет опущенные веки,—
и ты, на луч нанизанная, вздрогнешь,
и все вокруг любуются тобой.

И будет все, и ничего не будет.
Тысячелетье подступает к горлу.
Из голосов, из жестов и касаний
Сплетешь себе венок и колыбель.
И над чужой мелодией жестокой,
Жестокой, нежной,

тихой, как дитя,

Опять рыдаешь,

весело и нежно.

Непонятный восторг очистительной
длительной муки.
Обнажается сердце.

Листопад,
листопад,
листопад...

* * *

Ах, что там?..— давно уж ни шатко
ни тряско
от стрессов.

...И только дрожащим лицом
не свыкнуться с тем,
как безжалостна сказка,
хорошая сказка с хорошим концом.
Кривая улыбка нелепо блуждает,
ни смысла, ни места себе
не найдя.

И вновь понемногу
к добру побуждает.
Не сразу, не сразу...
вот так...
погода...

* * *

Когда бы не юность —
мы жили бы вечно.
Смертельную дозу
любви и печали
мы жадно, с восторгом глотаем
вначале.

почуяв смысл и ценность жизни —
в боли,
которую сумеешь пережить...

И так влечет к источнику страдания,
что только ждешь и ждешь теперь,
когда
блеснет в камнях и травах мироздания,
на склоне зла, в расщелине сознания
его живая
мертвая вода...

* * *

Мы как всегда вдвоем.
И как всегда не вдвоем.
И так привыкли ко многому, что
не становимся старше.

А вечность подходит близко.
Вечности интересно:
кто же мы, чем живем?—
такие краткие люди,—
ей и представить страшно...

* * *

Любовь моя, ты ли это?
Уже холодеют ночи,
и чайки сорвали голос
в отчаянье от предчувствий.

И много уже созрело
у времени черных шуток,

потом весну от зимы отличать,
потом от жизни отличать смерть.

Если бы люди разучились мечтать,
они бы потом разучились петь,
потом весну от зимы отличать,
потом от жизни отличать смерть.

* * *

Приходится полазить по векам,
к философам залезть в больную душу,
и долго посидеть среди игрушек,
и дань отдать фигурным облакам,

примерить под дубленку сарафан,
пройтись по огороду в римской тоге,
и постоять печально на дороге,
пропеть романс,

и отплясать канкан.

Да всяко — и послужишь, и подружишь,
попляшешь, поиграешь —

тем живем!

Пока себя

однажды обнаружишь

в троллейбусе каком-нибудь,

в толкучке,

в обличии и времени

своем...

* * *

Каленой улыбкой в себе выжигая
свой каждый изжитый и прожитый

год,

не только останусь, останусь живая,
но — дальше
 пройду, где она не пройдет,
которой — шестнадцать,
 которой — семнадцать
и — двадцать в сиреновом мутном дыму,
она, что осталась —
 и как не остаться?—
в том времени дивном,
 проклятье ему.
Лишь завтра,
 лишь то, что сегодня искомо,—
вот лучший мой возраст!
 Он знает свое.
Он — дальше, и дальше,
 и дальше. И — снова...

И смерть,
 словно возраст еще
 незнакомый,
Я буду искать
 на пороге ее.

ДЛЯ НАЧАЛА

Я Вам не верю.
Не прошу прощенья
за неучтивость этих слов простых.
Не только к Вам я обращаю их.
Увы, такое мироощущенье.
Я требую внимания к себе.
Вы весь — вниманье?
Я же вся — сомненье.
Я чувствую дыхание прогресса.
Да, за деревьями

нельзя не видеть леса.
Но если, увлекаясь видом леса,
за лесом тем не разглядеть дерев,—
деревья скоро взвоют, озверев:
Такой пейзаж не стоит интереса.

Так я считаю, мыслящая ветка.
Поскольку я расту на древе века —
хочу дождя, и света, и ответа
на все вопросы, что шумят во мне.
Я знаю шелест всех соседних веток —
одни и те же нас сгибают ветры.
Они все шепчут: «Где искать ответа?..»
А я ищу ответа в вышине.
Я сомневаюсь.

В солнце усомнилась.
О наше солнце, впавшее в немилость!
Оно сокрылось — и опять явилось,
и только посмеялось надо мной.
Того, что в мире ясно и высоко,
не омрачит скептическое око,
и посему — прогрессу не опасен
моей души сомнительный настрой.
Утопия останется прекрасной,
береза — белой,
а калина — красной,
надежда — светлой,
а слеза — горючей,
звезда — падучей,
а земля — сырой.

Ничто не переменится местами
от всех моих сомнений и метаний,
ничто свое обличье не изменит.
Лишь только я меняю облик свой.
Я обретаю образ человеческий.
Я причащаюсь человеческой речи.

Качается над пропастью бездонной
веревочная лесенка моя.
Веревочная лесенка сомнений
со множеством истершихся ступеней.
И больно горло — легкими словами
желают быть

все камни бытия.

И, задыхаясь,
в тяжелой немоте
взбираюсь...
Чтоб на некой высоте
вдруг замереть —

в предчувствии момента —
когда заговорит моя душа —
волнуясь,
запинаясь
и спеша —
на общечеловечьем языке
с пронзительным березовым
акцентом...

* * *

Охрипли тревоги века,
оглохли дома и крыши.
Но сердце не слышит шума.
А чье-то молчанье — слышит.

Наслышанное о смерти,
настроенное на вечность,
сбивающееся на счастье —
такое вот пока
сердце.

СОДЕРЖАНИЕ

«От снега летящего...»	3
Поплачь	4
Письмо	4
«Я хочу на обитаемый остров...»	6
«Просторно в сером...»	7
«Я не нужна была...»	8
Акварель	8
«Сказать о поколении моем?..»	10
Ода обреченной сосне	11
10 минут перед грозой	11
Я могла бы Вас полюбить	12
«И вот уже возник круговорот...»	15
Языческая сказка	16
«Куда пойдешь ты посреди судьбы?..»	21
«Как с березы, с меня облетают шальные надежды...»	22
«Ах, что там?..»	23
«Когда бы не юность...»	23
«Мучительно, печально и капризно...»	24
«Мы как всегда вдвоем...»	25
«Любовь моя...»	25
«Ты, имеющий слово...»	26
«Если бы птицы разучились летать...»	26
«Приходится ползать по векам...»	27
«Каленой улыбкой в себе выжигая...»	27
Для начала	28
«Охрипли тревоги века...»	30

Марина Олеговна Кулакова

КОГДА БЫ НЕ ЮНОСТЬ

Стихи

Редактор **З. С. Колодина**

Художник **С. А. Шабанов**

Худож. редактор **В. В. Кременецкий**

Техн. редактор **Г. В. Стачева**

Корректор **Н. Ю. Махалова**

ИБ № 1527

Сдано в набор 28.04.86. Подписано к печати 14.11.86. МЦ 01220. Формат 70×100^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Журнальная рубленая». Печать высокая. Усл.-печ. л. 1,3. Уч.-изд. л. 1,34. Усл. кр.-отт. 1,54. Тираж 3000 экз. Заказ № 4669. Цена 15 коп.

Волго-Вятское книжное издательство, 603019, г. Горький, Кремль, 4-й корпус.
Типография издательства «Горьковская правда», 603006, г. Горький, ГСП-123,
ул. Фигнер, 32.

15-00

ЦБС Приокского района

* U 1 5 5 1 *

15 коп.